

$y \frac{24}{49}$

22
22
79

4
1/30

ЗАПАДНО-РУССКАЯ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

ВЪ XVI ВѢКѢ.

М. Довнаръ-Запольскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Фонтанка, 95.

1897.

*Трубопроводному
Смолу, Лесовому, Водосточному
от сажи.*

ЗАПАДНО-РУССКАЯ

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

ВЪ XVI ВѢКѢ.

М. Довнаръ-Запольскаго.

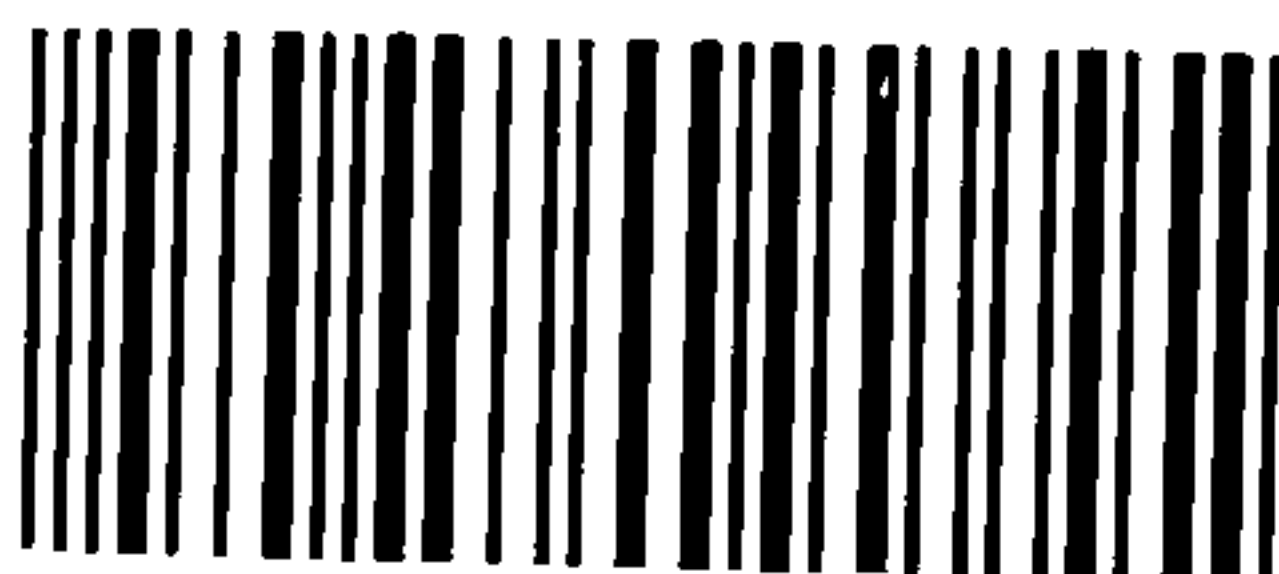

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Фонтанка, 95.

1897.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, іюль 1897 г.

2007065948

Въ послѣднее время по вопросу о сельской общинѣ въ предѣлахъ литовско-русскаго государства появились въ литературѣ два противоположныя мнѣнія. Проф. Владиміръ-Будановъ въ весьма удачной статьѣ своей о формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ ¹⁾, указавъ на немногочисленные данныя о сельской общинѣ, извѣстныя изъ изданныхъ источниковъ, пришелъ къ заключенію о существованіи сельской общины въ западно-русскихъ земляхъ. Главная основа западно-русской общины—общинное владѣніе землей. „Земли всего села,—говоритъ почтенный ученый,—нѣкогда состояли въ распоряженіи цѣлаго села, которое уже потомъ дѣлитъ ихъ на дворища, а нѣкоторыя оставляетъ въ общемъ владѣніи, и что это послѣднее можетъ состоять не только въ угодьяхъ (лѣсныхъ входахъ, бортяхъ, правѣ охоты и др.), но и въ обработанныхъ участкахъ; обработка совершается сообща“ ²⁾. Въ непосредственной связи съ сельскою общиною находится община волостная, потому что „административное единство волости состоитъ въ весьма близкой связи съ хозяйственнымъ и землевладѣльческимъ значеніемъ ея“ ³⁾. Хотя авторъ и предвидитъ возраженія, вслѣдствіе неполноты нашихъ свѣдѣній, какъ о сельской, такъ и о волостной общинѣ, но тѣмъ не менѣе приписываетъ волости широкое значеніе въ сферѣ имущественныхъ интересовъ: въ числѣ волостныхъ распоряжковъ „важнѣйшіе относятся къ распредѣленію земельныхъ имуществъ;

¹⁾ *Кіевскій Сборникъ*, изд. подъ ред. И. В. Лучицкаго, Кіевъ, 1892 г

²⁾ Ibid., p. 377.

³⁾ Ibid., 380.

отсутствіемъ данныхъ трудно объяснять отсутствіе самаго института разъ есть хотя бы и слабые на него намеки“ ¹⁾).

Совершенно иначе представляется данный вопросъ г. Любавскому. По его мнѣнію, „явленія сельской и волостной солидарности и даже общиннаго владѣнія съ нѣкоторыми угодьями и пахотными землями объясняются и безъ предположенія, что вся земля нѣкогда состояла во владѣніи и пользованіи села или волости“ ²⁾.хлопоты крестьянъ о цѣлостности волости, участіе ихъ въ общихъ повинностяхъ, появленіе цѣлой волости на судѣ, существованіе общинныхъ угодій—все это можетъ быть объяснено, какъ „простая сосѣдская и повинностная солидарность“. „Что касается права сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ, то г. Владимірскій-Будановъ не приводитъ для своего утвержденія данныхъ источниковъ. Въ актахъ „... намъ не попадалось ни малѣйшихъ признаковъ этого участія“ ³⁾.

Само собою разумѣется, что общее владѣніе землею служитъ весьма важнымъ признакомъ существованія общины. Но и самые усердные защитники общины склонны признавать за главный признакъ общинной жизни не тотъ или иной способъ владѣнія землею, а самый фактъ владѣнія, когда община по отношенію къ общинному имуществу является юридическимъ лицомъ ⁴⁾. Кромѣ связи по общинному владѣнію землею (хотя бы въ видѣ угодій), община соединена цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ интересовъ матеріальныхъ и нравственныхъ ⁵⁾. Все это уже представляетъ признаки общинной жизни.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію формъ общинной жизни въ Западной Россіи, необходимо указать на то, что изслѣдователю приходится наблюдать общину при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ.

Наши источники—преимущественно акты, вышедшіе изъ государственной канцеляріи. Эти акты рѣдко касаются деталей внутреннихъ распоряжковъ областной жизни. Но и независимо отъ источниковъ самое теченіе исторической жизни въ литовско-русскомъ государствѣ складывалось неблагоприятно для полнаго развитія общинныхъ порядковъ. Первая половина XVI вѣка—время постепеннаго закрѣпощенія крестьянства и развитія крѣпостнаго землевла-

¹⁾ Ibid., p. 383.

²⁾ Областное дѣленіе, p. 470.

³⁾ Ibid., p. 468.

⁴⁾ Кавелинъ, Общинное владѣніе, pp. 15 и 11.

⁵⁾ Ср., напримѣръ, Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, С.-Пб., 1877, p. 136.

дѣнія въ связи съ развитіемъ шляхетскихъ вольностей. Рядомъ съ этимъ правительство да и частные владѣльцы усиленно перестраиваютъ и городскія общины, отрывая ихъ отъ волостныхъ, и сельскія на нѣмецкое право, съ которымъ неразлучно связывалась и волочная система. Всѣ эти условія разрушительно дѣйствовали на сельскую общину. Тѣмъ не менѣе, слѣды ея гораздо ощутительнѣе, чѣмъ это предполагаютъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется имѣть въ виду преимущественно волостную общину. Проявленія общинной жизни села весьма незначительны; въ источникахъ не всегда возможно отдѣлить село отъ волости, такъ и само понятіе о селѣ не отличалось полною опредѣленностью, какая имъ придается теперь. Въ половинѣ XV вѣка, напримѣръ, волость имѣетъ весьма неопредѣленное значеніе: великій князь Казимиръ даетъ одному земнину „волость у Богдановичохъ селе“ всего 8 человѣкъ¹⁾, при чемъ волость является видовымъ понятіемъ по отношенію къ селу. Только къ началу XVI вѣка волость и село пріобрѣтаютъ болѣе точный смыслъ, при которомъ волость понимается, какъ административная единица съ извѣстнымъ центромъ—городомъ, замкомъ. Но нѣтъ надобности думать, что центральное правительство устанавливало само географическіе районы волостей: оно, конечно, воспользовалось уже существовавшею организаціей. Нужно, притомъ, принять въ расчетъ, что въ Западной Россіи, какъ и въ Московскомъ государствѣ, села были весьма незначительны: *сельцо* чаще всего состояло изъ 1—5 дворищъ, службъ или жеребьевъ²⁾. Въ основѣ дворищъ лежитъ семейно-родовая организація. Союзы дворищъ и службъ и составляли сельскую или волостную общину. Но даже и въ половинѣ XVI вѣка волостныя общины были невелики: Гомельская волость состояла изъ 32 селъ, въ которыхъ было всего 88 службъ или 202 дыма³⁾—ве-

¹⁾ Книга данинъ велик. князя Казимира, стр. 6, документовъ, издаваемыхъ мною при Моск. арх. мин. юст. (въ отд. оттискахъ это изданіе выйдетъ подъ заглавіемъ „Акты Литовско-русскаго государства“, т. II. Ссылки на *первый* томъ Актовъ Литовско-русск. госуд. дѣлаются на документы, издаваемые мною въ „Чтеніяхъ“ Общ. Ист. и Др. Росс. Такъ какъ оба изданія выйдутъ въ свѣтъ въ весьма непродолжительномъ времени, то считаю болѣе удобнымъ ссылаться не на листы рукописей, а на страницы обоихъ томовъ).

²⁾ См. Леонтовичъ, „Крестьянскій дворъ и пр.“ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 г.

³⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIII, р. 343.

личина нашего небольшого села. Въ Гомельской волости былъ одинъ ея представитель — старецъ. Но иногда, хотя извѣстная территория выступаетъ передъ правительствомъ — какъ одинъ округъ, волость, въ ней, однако, оказывается по нѣскольку общинъ съ отдѣльными представителями-старцами. Иногда сами правительственные документы даютъ поводъ думать, что въ волости по нѣскольку старцевъ ¹⁾, а изъ описанія Оршанской волости мы узнаемъ, на примѣръ, что въ каждомъ селѣ, величиною около 20 дымовъ, былъ старецъ ²⁾, слѣдовательно волость дѣлилась на нѣсколько сельскихъ общинъ, слагавшихся въ одну волостную. Въ виду этого вполне правдоподобно, что центромъ общинной жизни было не село собственно, а волость ³⁾.

Мы начнемъ наше знакомство съ западно-русскою общиной не съ положительной ея стороны, а, такъ сказать, съ отрицательной. Община въ изслѣдуемый моментъ падаетъ; съ изученія причинъ распаденія ея мы и будемъ знакомиться съ ней. Борьба волостей съ врядниками на податной почвѣ является тою стороною общинной жизни, которая чаще всего встрѣчается въ нашихъ источникахъ.

Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ повсемѣстно еще въ началѣ XVI вѣка повинности раскладываетъ скарбъ не на каждого плательщика налоговъ, но на цѣлую волость; волость уже дѣлаетъ самостоятельно разрубы на отдѣльныхъ плательщиковъ. Финансовые интересы были для волости самыми острыми интересами. Каждый державца хотѣлъ собрать съ волости возможно большее количество волостельскихъ доходовъ; рядомъ съ податями державцы или его слуги устанавливали новины. Между тѣмъ благосостояніе волости уменьшалось отъ раздачи селъ и дворищъ служилымъ людямъ, отъ того, наконецъ, что крестьяне уходили изъ волости на помѣщичьи земли и пр. Вслѣдствіе этого происходили столкновенія между урядомъ и волостью; волость обращалась къ королю. Мы возьмемъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Эти примѣры наглядно покажутъ намъ, въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ находилась волостная община.

Около 1536 г. королю жаловались представители Могилевской во-

¹⁾ Кн. Записей Лит., XV, л. 172.

²⁾ Довнаръ-Запольскій, Акты Литовско-русс. госуд., т. II, р. 122 и сл.

³⁾ Ср. Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 26. На сѣверѣ Россіи и въ настоящее время сельская община составляется иногда изъ 20 и болѣе поселковъ, столь же небольшихъ, какъ и западно-русскія селъца, ср. Соколовскій, *op. cit.*, стр. 161 и сл.

лости на державцу своего кн. Вас. Ив. Соломорецкаго. Оказывается что волощане могилевскіе заключили съ Соломорецкимъ договоръ объ отбываніи подводной повинности: крестьяне за освобожденіе отъ натуральныхъ повинностей обязались дѣлать державцѣ извѣстный ежегодный взносъ. Между тѣмъ Соломорецкій установилъ въ волости своихъ десятниковъ, которые грабятъ крестьянъ, берутъ у нихъ подводы, вѣзды; подать съ дыма державца повысилъ съ 2 гр. въ годъ до 20; державца самъ назначилъ въ волости старца, но этотъ старецъ началъ чинить всякія „драпества“ и „тяжкости“. такъ что и волость опустошилъ. Бирчіе собрали большую дань, а между тѣмъ не дали волости отчета, „где оныи пенези, што у нихъ выбирали, обернули“. Люди начали расходиться изъ волости. Господарь требуетъ, чтобы державца „учинилъ справедливость во всѣхъ рѣчахъ“ подданнымъ передъ дворяниномъ господарскимъ; староста могилевскій долженъ во всемъ поступать „подле давного обычая“ и такъ относиться къ подданнымъ; чтобы „пожитки наши господарскіе не были заронены“, подданные „къ убожеству не приходили“ и господарю „докуки не чинили“ ¹⁾. Дѣло было настолько серьезно, что господарь не только издалъ строгій указъ на имя державцы, но и точно установилъ податныя обязанности могилевцевъ, на основаніи прежнихъ уставовъ. Въ уставѣ точно опредѣленъ волостельскій и господарскій доходъ, сроки сбора платежей, повинностей и пр. Но что касается права волости на самообложеніе, то оно поставлено подъ контроль державцы: волость не имѣла права „кидать метовъ“ на подданныхъ безъ вѣдома и воли державцы, „бо для таковыхъ метъ ихъ подданнымъ нашимъ тяжесть великая ся деетъ и многии з нихъ оттого и прочъ расходять“, и дань господарская гинетъ ²⁾.

Такимъ образомъ, оставляя строй общественной жизни неприкосновеннымъ, правительство предоставляет себѣ право контроля.

Весьма любопытны тяжбы Кричевской волости съ своими намѣстниками. Въ 1522 году волощане кричевскіе жаловались на своего намѣстника кн. Вас. Семен. Жилинскаго. Король призналъ справедливость ихъ жалобъ; а между прочимъ крестьяне жаловались, что когда они кладутъ между собой разметъ, то и князь Жилинскій садится съ ними „на тыхъ разметяхъ... и с того себе не мало на нихъ пенезей береш“. Король категорически приказываетъ намѣстнику не

¹⁾ Акты лит.-русска. госуд., т. I, № 235.

²⁾ Ibid., № 241.

въѣзжать въ волость на полюдь, не садиться на разметахъ и запретить своимъ урядникамъ садиться. Король прибавляетъ, что въ данномъ случаѣ онъ только подтверждаетъ болѣе раннюю пергаменную уставу ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ въ 1511 году тотъ же король подтвердилъ въ поднѣпрскихъ и задвинскихъ волостяхъ порядокъ, существовавшій во времена Витовта и великаго князя Сигизмунда: по этой грамотѣ возстановлялись права крестьянъ на самостоятельный сборъ дани (слѣдовательно и на разметы) подъ условіемъ аккуратнаго взноса ея; намѣстники и писаря не должны были въѣзжать въ волость ²⁾. Однако намѣстники мало считались съ волею короля. Въ 1554 году крестьяне Чичерской волости вели интересную тяжбу съ своимъ намѣстникомъ п. Юріемъ Зеновьевичемъ. По поводу ихъ жалобы король даетъ весьма подробную уставу жителямъ. По интересующему насъ вопросу о разметахъ грамота устанавливаетъ новое положеніе: волощане не имѣютъ права метать метовъ безъ „вѣдомости“ державцы „и разрубивати, але кгда потреба вкажетъ для платовъ нашихъ господарскихъ, або для якое слушное потребы волостное розрубъ чинити и метъ метати“; при разрубкахъ и метакъ долженъ присутствовать самъ державца и его вижъ; если нѣтъ самого державцы, то „зъ ведомостью“ его намѣстника и „вижа“ ³⁾. За крестьянскою общиной, какъ видимъ, остаются еще права на раскладку податей, но подъ сильною опекой врядника; община имѣетъ также право самообложенія, но опять таки подъ контролемъ державцы.

Такъ быстро шла ломка стародавнихъ обычаевъ. Мы уже упоминали объ уставной грамотѣ задвинскимъ и поднѣпрскимъ волостямъ. Кромѣ Чичерска и Кричева, въ числѣ ихъ упомянуты слѣдующія волости: Озерицкая и Усвятская, Любошанская, Пропойская, Горвольская, Рѣчицкая, Мозырская и Свислочская. Любопытно прослѣдить и здѣсь, какіе успѣхи дѣлали врядники. Въ 1535 году королева Бона изъ особой „бачности“ своей на людей волостей Усвятской и Озерицкой устанавливаетъ, что державца оболецкій долженъ въѣзжать въ волость только для сбора дани ⁴⁾; община управляется выборнымъ старцемъ ⁵⁾. Такимъ образомъ нарушались права крестьянъ.

¹⁾ Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 184—185.

²⁾ А. З. Р., II, 99.

³⁾ Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 101.

⁴⁾ Акты литовско-русс. госуд., I, № 233. (Кн. Зап.-Лит. XXXII, л. 38—9).

⁵⁾ Кн. Зап.-Литовск. XXXII, л. 39.

Не въ лучшемъ положеніи находилась Свислочская волость. Въ королевской грамотѣ, выданной волости въ 1534 году, высчитанъ длинный рядъ „новинъ“, которыя введены были державцею Андреемъ Немировичемъ и его слугами въ волости. Многіе поборы старостинскіе удвоены и утроены. Крестьяне жаловались на то, что когда слуги державцы наѣзжаютъ на волость метать дань, то они являются въ количествѣ 20—30 человѣкъ съ женами и слугами, живутъ на счетъ волости и до тѣхъ поръ не уѣзжаютъ, пока тамъ не получаютъ „поклона“. Всѣ эти притѣсненія повели къ тому, что городъ и волость „збожело“¹⁾, люди порасходились, отчего и доходъ королевскій уменьшился. Разобравъ дѣло, король устанавливаетъ нормы податей и участіе намѣстника въ метаніи податей ограничиваетъ слѣдующимъ образомъ: намѣстники не имѣютъ права въѣзжать въ волость для метанія дани, крестьяне должны сами „зметати“ дань и отвезти въ замокъ.

Правительство, видимъ мы, пытается возстановить древній порядокъ, но нельзя сомнѣваться въ безуспѣшности его попытокъ.

Мы приведемъ еще два факта борьбы волостныхъ порядковъ съ крѣпостническими тенденціями королевскаго уряда изъ мѣстности тѣхъ же поднѣпрскихъ волостей.

Въ 1533 году старцы и люди Бобруйской волости жаловались на королевскихъ писарей за ихъ поборы при выбираніи даней; они просили не посылать къ нимъ писарей, соглашаясь сами вносить дань „сполна“. Король согласился и опредѣлилъ сроки взносовъ даней грошовой и натуральной. При этомъ грамота отмѣчаетъ „хитрыи обычаи“, появившіеся у волощанъ: когда приходитъ время сбора дани, многіе изъ нихъ расходятся по другимъ волостямъ, возвращаясь въ свои дома по окончаніи срока сбора дани; другіе же прямо осаживаются въ сосѣднихъ волостяхъ, но продолжаютъ пахать свои земли въ Бобруйской волости и пользоваться бортями, а даней не платятъ. Всѣмъ этимъ такіе крестьяне приносятъ „шкodu“ королю, „а тяжести подданнымъ нашимъ деють, ажъ они за тыхъ сами дань нашу платятъ“. Поэтому король приказываетъ державцамъ волостей не принимать ни одного человѣка изъ другой волости; если человѣкъ самъ уйдетъ, то его сосѣди должны извѣстить объ отходѣ и указать мѣсто новаго поселенія вряднику; если сосѣди не укажутъ, они сами должны будутъ платить за отошедшаго дань; если врядникъ, зная объ отходѣ, не вызоветъ ушедшаго, — онъ платитъ за

¹⁾ Акты литовско-русскаго госуд., т. I, № 224.

него дань; если помѣщики или намѣстники не выдаютъ ушедшаго, платятъ „закладу“ въ 100 копъ грошей. Намѣстники обязаны осадить пустыя земли, чтобы и съ нихъ шла дань. Крестьяне указывали на то, что они не разбираютъ пустыхъ земель, потому что врядники берутъ свои врядничи доходы и съ „живого“, то-есть, съ занятыхъ земель, и съ пустыхъ; если бы король приказалъ врядникамъ не брать своихъ доходовъ съ пустыхъ земель, то крестьяне обязывались разобратъ „межъ себя“ всѣ пустовщины и платить съ нихъ господарскія платы. Король согласился и на это предложеніе. Но та же грамота даетъ и еще одну интересную для насъ черту: крестьяне жалуются, что старцы „частыи меты мечутъ на волость“, а деньги обращаютъ на свои потребности. По этому вопросу, король высказалъ такое рѣшеніе: старцы съ этого времени не должны самостоятельно класть разметы на волость, но когда понадобятся деньги на „волостную потребу“, тогда вся волость „зволившись“ съ старцами, объявляютъ объ этомъ вряднику намѣстника; врядникъ посылаетъ своего вижа въ волость, въ присутствіи котораго волость кидаетъ разметъ такъ, „якъ бы сума не превышала“ волостной потребности. Согласно размету, старецъ долженъ выбрать деньги и тратить на нужды волости ¹⁾).

Изложенная устава Бобруйской волости прибавляетъ важныя данныя къ интересующему насъ вопросу. Прежде всего оказывается несомнѣннымъ, что волость платитъ и за тѣхъ плательщиковъ, которые уходятъ изъ волости; для этого волость дѣлаетъ разметы на всѣхъ наличныхъ плательщиковъ. Волость имѣетъ свои волостныя потребности, которыя она удовлетворяетъ самообложеніемъ, причемъ размѣры сбора устанавливаются общиной, а раскладка производится старцемъ и, вѣроятно, старшими мужами, въ присутствіи всего волостнаго схода, а по королевскому распоряженію и вижа. Но въ самую волость уже проникаетъ элементъ разложенія, потому что старцы и волощане, жалуясь на врядниковъ, указываютъ на притѣсненія и со стороны выборныхъ старцевъ. По этому поводу приходится сдѣлать предположеніе, что выборы или смѣщеніе старцевъ были стѣснены вмѣшательствомъ врядника. Такіе примѣры мы уже видѣли.

Разсматривая съ интересующей насъ точки зрѣнія „кривды“ различныхъ волостей, нельзя оставить безъ вниманія жалобъ королевѣ Бонѣ, поданныхъ людьми Борисовской волости въ 1522 году. Воло-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XV, л. 172.